

Клавишник группы незаметно вырос в дверном проеме. Темные, доходившие до плеч волосы мягко очерчивали лоб с аккуратным мыском, а сам он слегка прищурился, разглядывая присутствующих.

Слегка приподняв бровь, он негромко, что бывало крайне редко, усмехнулся:

— Если вы сейчас же не выйдете, остынет не только ужин — у Чарльза сердце кровью обольется от ожидания.

Растерянность, охватившая было Чэн Цзие, немного улеглась. Он поднял взгляд:

— Иди, я побуду здесь. Мне еще нужно забрать Юй Сингэ.

Только теперь Чэнь Цин заметил притаившегося за его спиной Юй Сингэ. Кудрявый парень очень вовремя чихнул, после чего весело помахал рукой, расплывшись в широкой улыбке.

Окинув взглядом промокшего до нитки Юй Сингэ, Чэнь Цин нахмурился и повернулся к Чэн Цзие:

— Что стряслось?

Юй Сингэ тут же вклинился, опережая друга:

— Не повезло просто. В туалете трубу прорвало.

И ведь чистая правда.

Чэнь Цин на мгновение задумался, однако ничем не выдал своих мыслей:

— Ну ладно. Добирайтесь осторожнее.

Как только Чэн Цзие и Юй Сингэ, обогнув штабель пивных ящиков, скрылись из виду, Чэнь Цин потянулся к двери, намереваясь выяснить, что случилось внутри. Но не успел — створка резко распахнулась.

Перед ним предстал мужчина с лицом настолько бледным, что оно могло соперничать с его собственным.

Шэнь Чжи не знал стоявшего перед ним парня. Брезгливо отряхнув капли воды с одежды, он двинулся к выходу — оставаться здесь дольше не имело смысла, все равно ведь выставят за дверь.

«Дерьмо проклятое, — мысленно выругался щеголь, сцепив зубы от злости».

Для Шэнь Чжи упустить столь соблазнительную добычу было делом привычным. Сети он закидывал широко, и Юй Сингэ не был единственной его мишенью — любовники в его постели сменялись один за другим, словно на конвейере. Но он никак не ожидал, что дело кончится парой крепких зуботычин.

К тому же он сам полез на рожон, так что жаловаться теперь было некому — правда была явно не на его стороне.

Сгорая от ярости, уязвленный молодой господин Шэнь удалился, мысленно изрыгая самые грязные проклятия.

Провожая его взглядом, Чэнь Цин бессознательно сжал кулаки. Он опустил глаза, в которых застыло глубокое, невытравимое отвращение.

Шэнь Чжи в переулке Наньпин фигурой был приметной, и Чэнь Цин, разумеется, прекрасно знал, кто это такой.

Одно дело, если бы этот хлыщ просто вел беспорядочную жизнь.

Но клавишник скользнул взглядом по разгрому в уборной, и ногти еще глубже вонзились в его ладони.

Очередной омерзительный извращенный гомосексуалист.

Точь-в-точь как тот подонок когда-то.

Ночной воздух на улице приятно освежал после душного полумрака клуба. Они вышли через парадный вход. Вся эта улица была усыпана барами, ночными клубами и концертными площадками, за которыми прятались обшарпанные переулки Южного района — сомнительное сердце местной жизни. Здесь то и дело раздавался завывающий вой полицейских сирен. Патрульные машины с ходу подлетали к очередной разваленной многоэтажке, откуда вскоре выводили в наручниках девиц с вызывающей, вульгарной помадой и обрюзгших, лоснящихся от жира мужчин, испуганно прячущих лица от случайных прохожих.

Нынешняя ночь не стала исключением.

Проблесковые маячки полицейской машины окрашивали красно-синими всполохами потемневшую вывеску заброшенного караоке-бара. Когда Юй Сингэ проходил мимо, резкий луч карманного фонарика полоснул его по глазам.

Он инстинктивно заслонился рукавом.

Буквально через мгновение Чэн Цзие как бы невзначай шагнул вперед и заслонил его с левой стороны, красиво взмахнув полами куртки.

Вспышки сирен и неоновые отсветы оживленного проспекта ложились на его высокую, статную фигуру, дробя силуэт на свет и тень. В этот миг он походил на ожившего персонажа из фантастического комикса, чьи выпуски недавно завезли в книжную лавку на углу.

Юй Сингэ украдкой понаблюдал за ним, а затем отвел взгляд, тщетно пытаясь сдержать невольную улыбку.

За натянутой оградительной лентой были сирены, полицейские вели под руки всхлипывающих задержанных. Где-то в стороне слышался тихий плач, а из трещин в бетонной стене упрямо пробивались пыльные стебли травы.

То была эпоха великих перемен, когда на фоне бурного роста новой жизни пышным цветом расцветал и криминал. Цичэн — провинциальный, пыльный город, затерявшийся на стыке времен — умудрился вырастить в своих недрах кого-то вроде Чэн Цзие.

Парень вобрал в себя угрюмое молчание родных улиц, но сквозь эту скорлупу нет-нет да и прорывался бунтарский дух юности.

Спустя пару минут Юй Сингэ зацепился мизинцем за его руку и, словно вспомнив о чем-то неприятном, проворчал:

— Тот придурок... Что за неадекват вообще?

Чэн Цзие невольно вспомнил выброшенную визитку. Он ведь сразу почуял неладное, надо было предупредить Юй Сингэ раньше.

В груди шевельнулась глухая досада на самого себя, но как это объяснить?

Он и сам толком не понимал, почему тогда без лишних раздумий выкинул ту картонку в мусорное ведро.

— Держись от таких подальше, — тихо произнес Чэн Цзие.

Хотя, если быть точным, ему просто хотелось, чтобы все подобные типы обходили Юй Сингэ за версту.

— Ладно-ладно.

Юй Сингэ закинул руки за голову, ускорил шаг, обогнал Чэн Цзие и развернулся спиной вперед. Потягиваясь на ходу, он весело подмигнул:

— Я буду начеку.

Кожаная куртка Чэн Цзие сидела на нем на удивление ладно. Образ получался дерзким и невероятно притягательным, портила картину разве что слишком уж широкая, беззаботная улыбка.

Звездный свет мягко ложился на его лицо. Затылок покоился на скрещенных ладонях; парень пятился так уверенно и легко, словно у него были глаза на затылке.

Время близилось к полуночи. Огромная луна низко повисла над крышами. Холодный ветер гулял по улице, донося отголоски сирен и чьих-то пьяных разборок, но весь этот хаос будто не имел к ним никакого отношения. Юй Сингэ двигался в своем собственном ритме.

Чэн Цзие молча следовал за ним, слегка сбавив темп:

— Смотри под ноги.

Попыток прекратить это ребячество он делать не стал.

Просто диск луны этой ночью казался слишком огромным — казалось, протяни руку, и коснешься холодного сияния. Глядя на парня, Чэн Цзие вдруг почувствовал, будто тот сейчас растает в этом призрачном свете.

Настолько светлым и безмятежным было его улыбающееся лицо.

На секунду Чэн Цзие одолело странное забытие.

Заметив это, Юй Сингэ щелкнул пальцами перед его носом:

— Эй, прием! Земля вызывает лидера!

Чэн Цзие моргнул, стряхивая наваждение, и его темный, задумчивый взгляд вновь обрел фокус.

Если бы он продолжил витать в облаках, то точно наткнулся бы на ржавый пожарный гидрант у обочины.

Юй Сингэ трижды легонько хлопнул его по плечу с самым серьезным и даже благоговейным видом:

— Снимаю сглаз. Ты на люк наступил.

Тот опустил голову — в густых ночных тенях разглядеть чугунный круг под ногами было почти невозможно.

В Южном районе такие разболтанные, забытые коммунальщиками люки встречались на каждом шагу. В подобные приметы Чэн Цзие никогда не верил:

— Ты сам, пока пятился, небось штуки три собрал.

Юй Сингэ лишь беззаботно пожал плечами и наконец развернулся, шагая как положено. Чэн Цзие едва заметно усмехнулся.

Добравшись до дома, Чэн Цзие первым делом открыл свою дверь, чтобы отыскать пластырь. Поразмыслив, он решил прихватить еще льда и антисептик. Поиски заняли некоторое время: заставить музыканта, который днюет и ночует среди партитур, быстро найти аптечку — задача не из простых.

Однако когда он с охалкой медикаментов подошел к смежному балкону, стучать не пришлось.

Из полумрака комнаты донесся негромкий голос:

— Открыто, заходи.

На втором этаже жили только они двое, а балконы соединялись сквозным проходом, так что Юй Сингэ давно перестал запираться.

Свет в комнате не горел. Ночная прохлада, ворвавшаяся через приоткрытую дверь, мгновенно выстудила помещение.

Из ванной показался Юй Сингэ — взъерошенный, с полотенцем на голове. Едва переступив порог, он шумно чихнул.

Чэн Цзие как раз ставил флакон на небольшой столик. Он поднял взгляд: в остывающей комнате выходящий из душа парень казался единственным источником тепла, от него почти осязаемо веяло горячим паром.

В темноте Юй Сингэ едва сумел разобрать, что именно принес его гость.

— Оу... А я и думать забыл про это, — парень удивленно моргнул.

Ссадина на губе почти не болела — к утру от нее и следа не останется.

— Еще бы немного, и пришлось бы накладывать швы, — с легким укором отозвался Чэн Цзие.

Юй Сингэ без лишних церемоний устроился на стуле. Только сейчас Чэн Цзие заметил, что на том нет ничего, кроме полотенца, наспех обернутого вокруг бедер. С мокрых кудрей на широкие плечи скатывались капли воды, а в воздухе отчетливо запахло свежим, хвойным гелем для душа.

В полумраке квартиры, где плясали редкие пылинки в лунном свете, они сидели совсем рядом. Влажный воздух мешался со свежестью ночи. Чэн Цзие отвел взгляд в сторону, пытаясь сосредоточиться на темных очертаниях мебели, хотя разглядеть что-либо в такой темени было трудно.

Тонкий аромат чистого тела дразнил чувства. Пальцы Чэн Цзие непроизвольно дрогнули.

— Ого, — Юй Сингэ взял флакон и, бесцеремонно приобняв его за плечо, заглянул в лицо. — Ну давай, док, осматривай своего пациента.

Чэн Цзие с трудом подавил желание сбросить чужую руку. Парень придвинулся слишком близко, обдав его жаром распаренного тела. Тепло стремительно поползло вверх, обжигая мочки ушей.

Вглядываясь при слабом свете луны в едва заметную припухлость на чужой губе, он негромко скомандовал:

— Открой рот.

Тот послушно приоткрыл губы.

Чэн Цзие собирался лишь оценить масштаб повреждений, но какая-то неведомая сила заставила его протянуть руку. Подушечка большого пальца коснулась поврежденного уголка, скользнула по нижней губе и мягко, едва ощутимо проникла за влажный край, касаясь нежной слизистой. Контраст его шершавой кожи и этой влажной мягкости был ошеломляющим.

Взгляды встретились. В темноте расширившиеся зрачки Юй Сингэ выдавали легкое замешательство.

Он явно не понимал, что происходит.

Чэн Цзие с самым невозмутимым видом убрал руку.

Лед в пластиковом контейнере уже начал подтаивать.

— Будет больно — скажи.

Смочив ватную палочку в антисептике, он точными движениями обработал ссадину, после чего завернул кусок льда в чистое полотенце и прижал к ушибленному месту.

Лицо Чэн Цзие оставалось серьезным и сосредоточенным, а в его глубоких, почти черных глазах сейчас отражался только Юй Сингэ.

Юй Сингэ молчал. Стоило признать, что двигался Чэн Цзие невероятно бережно — боли почти не чувствовалось.

Парень разглядывал лицо Чэн Цзие, мысленно признавая: природа явно не обделила его внешностью. Ни единого изъяна.

Да и руки у него были золотые.

— Часто приходится этим заниматься? — из любопытства поинтересовался он.

Чэн Цзие слегка перехватил его за подбородок, фиксируя голову, чтобы тот не вертелся:

— Раньше часто дрался.

Отсюда и богатый опыт в лечении ушибов.

Упавшие на лоб пряди скрывали выражение лица, а голос прозвучал на удивление глухо.

Примерным мальчиком Чэн Цзие никогда не был — это уж точно.

— А по тебе и не скажешь.

Чэн Цзие медленно поднял взгляд. Его глаза скользнули по лицу Юй Сингэ, спускаясь ниже — туда, где по рельефным мышцам груди и живота бежали влажные дорожки, исчезая под краем полотенца, на котором уже расплылось темное мокрое пятно.

Взгляд лидера группы потемнел:

— Сейчас — нет, конечно.

Вспомнив о чем-то, он криво усмехнулся:

— Со временем понимаешь, что языком порой можно добиться куда большего, чем кулаками.

Сменив угол, он бережно, но крепко обхватил пальцами его челюсть, отчетливо ощущая твердую кость. Лед в его руке продолжал медленно таять на разгоряченной коже парня.

Этот молодой гитарист... В его присутствии Чэн Цзие не покидало странное ощущение, будто парень все еще продолжает расти и меняться прямо на глазах.

Юй Сингэ завороченно наблюдал за тем, как при каждом слове двигается кадык собеседника. Они сидели так близко, что их дыхание смешивалось в один горячий поток.

Чэн Цзие уловил этот взгляд, но не отстранился. Напротив, он замер в той же позе, продолжая сверху вниз методично обрабатывать ссадину.

Никто из них не проронил ни слова. В безмолвной темноте комнаты отчетливо слышался лишь их прерывистый, обжигающий шепот воздуха.

От близости чужого тела у Чэн Цзие едва заметно подрагивали пальцы — держать себя в руках становилось все труднее.

Полуобнаженный Юй Сингэ сидел перед ним, подставив под блеклый лунный свет сильную, загорелую шею.

Тот сидел, слегка запрокинув голову, столь беззащитный и открытый, что казалось — сожми ладонь на этом горле, и ты безраздельно завладеешь всей этой бьющей через край жизненной силой.

Безумие какое-то. Чэн Цзие шумно сглотнул.

Его взгляд намертво прикипел к этой манящей ложбинке над ключицами.

В нем проснулась темная, неосознанная жажда.

Кожа казалась такой нежной. Протяни руку — и он полностью в твоей власти.

Музыкант сделал медленный, рваный вдох.

Уловив это движение, Юй Сингэ лукаво прищурился и, пользуясь темнотой, подался еще ближе:

— М? Что-то не так?

Чэн Цзие не отстранился. Он продолжал сверлить взглядом пульсирующую жилку на чужой шее.

Голос его прозвучал на удивление ровно, с привычной для лидера группы прохладой:

— Все в порядке.

Только пальцы, сжимавшие подбородок парня, дрогнули и сжались чуть крепче.

До безумия хотелось впиться зубами в эту теплую кожу.

Сделать хотя бы один короткий, яростный укус.

В горле пересохло, и он снова шумно сглотнул.

<http://bllate.org/book/18241/1765489>